

ИЗДАТЕЛЬ И ЧИТАТЕЛЬ

лит. заг. - 1995 - 1 февр. - С. СОБЕСЕДНИК

Писатель закончил работу над новой книгой и, пока рукопись не оформится в аккуратный, пахнущий типографией томик, пребывает в естественном волнении: как будет принят его труд, какая судьба уготована кровному детищу? Разрешившийся от бремени автор обычно словоохотлив, и это его состояние располагает к разговору. Воспользуемся случаем — познакомим Виктора ЕРОФЕЕВА.

— Мой новый роман называется "Страшный суд". Это как бы роман-резюме нашего уходящего века, но подан он не через какие-то исторические реалии и персонажи, а через метафору, не скрою — достаточно шокирующую. Подробнее говорить не буду, пусть читатель книги останется заинтригованным. Скажу лишь, что, в отличие от "женского" романа "Русская красавица", новый роман — "мужской".

Писал я эту вещь три года — с середины 91-го, и работа шла нелегко, между частыми разъездами. Авторы иногда любят пометить свои опусы припиской в конце типа "Москва — Переделкино". Если бы я последовал их примеру, на последней странице "Страшного суда" пришлось бы написать "Россия — Европа — Северная Америка — Россия". И этот опыт — опыт русского человека, на время оторвавшегося от родных российских проблем, — тоже отразился в романе. В новой вещи я как бы веду диалог с романом как жанром, и этот эксперимент пошел дальше, чем в "Русской красавице". В последнем романе нет претензии охватить весь XX век — интереснее было сформировать все в одной капле воды, в одном герое. Что у меня получилось, не мне судить, но я заранее свободен от каких бы то ни было иллюзий: первые отклики на "Страшный суд" уже не сулят роману легкой издательской и читательской судьбы.

— Поскольку вы уже проговорились про "шокирующую метафору" (и зная по предыдущим книгам вашу склонность к определенной дозе эпатажа), очевидно, что легкого чтения новый роман не обещает. Кто сейчас, на этапе подготовки книги к выпуску, выступает ее рецензентами и какие издательства они представляют?

— В России "Страшный суд" должен выйти во втором томе моего трехтомника, издаваемого "Молодой гвардией" (недавно вышел первый том, который составили рассказы и роман "Русская красавица"). А на Западе книгой занимается (как ее изданием в своей стране, так и продажей прав на ее печатание в других государствах Европы) французское издательство "Албен Мишель", с которым я связан свыше десяти лет. Так вот, моих зарубежных партнеров больше всего шокирует сам подход к XX веку, сама метафора, которая работает на его характеристику, но и здесь мнения разделились: у одних она вызывает яростное неприятие, у других — радостное принятие. А поскольку эти рецензенты западные, спокойные, читающие много книг и потому ко всему привычные, я заранее предвижу у нас тем более яростную полемику по поводу романа. Кстати, мои немецкие издатели уже предупредили меня о необходимости сделать некоторые купюры (не политические — морально-нравственные), а то получается уж больно круто: не по слову, а по образной системе, вызывающей внутренний протест.

— Перевод художественной литературы на другой язык неизбежно чреват определенными издержками, в взаимосвязь здесь обратная: чем оригинальнее текст по языку и стилю, тем труднее пробивается он к зарубежному издателю. Сталкивались ли вы с такими трудностями и насколько велика возможность автора по ходу дела корректировать адекватность перевода?

— Мои зарубежные издатели опасаются, что "Страшный суд" будет очень сложно переводить и с этой книгой возникнет гораздо больше проблем, чем с "Русской красавицей". Но у меня уже накопился опыт — мои книги переведены на 27 языков, — потому надеюсь, что все трудности вполне преодолены. Сам достаточно хорошо знаю английский, французский и польский, и с переводчиками на эти языки мне легко работать. С другими переводчиками, которых образовал уже целый круг, за много лет я хорошо сработался, и технология общения вполне обкатана: система вопросов и ответов. Это особая и непростая форма работы: вопросов возникает множество — сотни, и каждый требует объяснения. Кстати, если бы здешние мои критики, которые объявляют меня "неписателем", поговорили с моими переводчиками, думаю, от них перья бы полетели.

— Давайте забудем сегодня о брызжащих критиках (в конце концов хула — лучшая реклама), благо есть еще о чем поговорить. Ничем вы среди отечественных писателей очевидный рекордсмен по издаваемости за рубежом (во всяком случае, в своей возрастной категории — до 50 лет). Все ли возможные высоты там покорены?

— Наверное, сегодня я в России единственный, кому так повезло. Взять хотя бы такое престижное издательство, как "Пингвин" в США, — оно издает всю русскую классику: там вышли Пушкин, Толстой, Тургенев, из величин нашего века — Замiatин, Цветаева, Пастернак, а из современных авторов они выпустили Синявского, Солженицына и меня. Массовое

издание книг в мягких обложках, которые можно купить за дешевые деньги, — это предел мечтаний, именно они формируют широкого читателя. В Германии "Русская красавица" поставила рекорд по продаваемости — 150 тысяч экземпляров, идет второй после "Доктора Живаго". Несколько недель эта книга лидировала в рейтинге популярности в Голландии, во Франции вышла вторым массовым изданием в мягкой обложке... Я знаю, что обо мне говорят: Ерофеев продан Западу. Но говорить это могут только невежды: Западу продать невозможно. Я теперь по собственному опыту знаю, что можно с этой целью сделать все, а успеха никакого не получить — не купят. Успех — это комбинация самых различных степеней везения, но не следует забывать, что продаваемый текст все-таки должен быть достойным.

— Везение везением, но вы и сами изрядно "потрудились", обеспечив себе скандальный имидж: в 30 лет выступили организатором и автором неподцензурного альманаха

сти, а уже одно это — высшая степень профессионализма. Фактически они выполняют функции ваших литературных агентов?

— "Албен Мишель" представляет мои интересы во всем мире, кроме России и территории бывшего СССР, где я художественно сам занимаюсь своими книгами, а также кроме США, Англии и других англоговорящих стран — их с 90-го года ведет мой литагент в Америке.

Вообще мои французские партнеры даже сами не ожидали такого успеха — на Франкфуртской ярмарке "Русская красавица" стала книгой года, что позволило лучше раскрутить рекламную кампанию. Они поставили на меня — и не прогадали. И потом они купили книгу рассказов "Жизнь с идиотом", которую тоже успешно продали в разных странах. Затем — "В лабиринте проклятых вопросов", мою литературоведческую книгу, которая была первой изданной дома и которую я считаю лучшей из всех своих книг. Сейчас издадут "Русские "Цветы зла" — антологию новой русской прозы, которую я составил, а на очереди — последний роман... Таким образом, они просто составили

мне на Западе имя. Очень ощутимо сработала на это и опера Шнитке "Жизнь с идиотом" — еще одно подтверждение, что настоящий успех — соединение нескольких успехов. Вообще организация рекламной кампании — отдельная работа, которой нашим издателям еще предстоит учиться: "Албен Мишель" организовало мне поездку по всем странам, где выпускалась книга. При этом работало все — и то, что это было открытие нового имени, что всегда интересно, и то, что роман мой построен на женской теме, и то, что я приезжал из СССР, где всюду шла пед-

рестройка... Вот что значит попасть в хорошие руки.

— Думаю, вы не рассказали в сотой доли того, о чем можете рассказать, но в этого достаточно, чтобы читатель воспринял ваше бытие в последнее время как рекламный ролик.

— Самому иногда нелегко.

— У себя дома с "хорошими руками", выходит, дело обстоит хуже — здесь издано ваших книг во много раз меньше, чем за рубежом, но теперь положение начинает исправляться — не многие прозаики могут похвастаться сегодня издаваемым трехтомником. Как получилось, что за издание взялась "Молодая гвардия", переживающая далеко не лучшие времена? Восприняла этот проект как коммерческий?

— Появление идеи трехтомника — тоже везение, чистый случай. Все началось с того, что меня пригласили в "МГ" по абсолютно постороннему поводу — попросили участвовать в заседании комиссии по выпуску серии "Жизнь замечательных людей". Как я потом выяснил, позвали они меня не как прозаика, а как литературоведа, способного написать для них книжку на мой выбор — о маркизе де Саде или о Розанове. И то, и другое я счел слишком конъюнктурным и в итоге отказался, но по ходу переговоров, растянувшихся на довольно долгое время, у меня сложились замечательные отношения с редактором Ириной Борисовной Трофимовой. И вдруг она мне предложила переиздать в "МГ" "Русскую красавицу". Стоял ли за этим предложением коммерческий интерес? Возможно, но сама идея показалась мне занятной. Следом за "Красавицей" зашел разговор и о рассказах, потом — о книге "В лабиринте проклятых вопросов", и так, совершенно незаметно, мы пришли к идее трехтомника. Издать — хорошо, но как — "Молодой гвардии" это не под силу. Однако нашелся в издательстве очень способный, обладающий достаточно хваткой молодой парень Сергей Гушин. А третьим в этой компании оказался так называемый "новый русский", предприниматель из Твери Александр Кичигин, который и предложил дать деньги — не как спонсор или меценат, но как человек, решивший сделать свой бизнес. Он очень жестко поставил условия — отличное полиграфическое исполнение (и первый том — вот он передо мной — действительно замечательный: на чудесной бумаге, с великолепной печатью, в переплете и с цветным супером), оговорил очень сжатые сроки распространения — 45 дней. При 50-тысячном тираже такой срок показался мне нереальным, но Гушин умудрился уговорить на десять дней раньше. Финансовая сторона проекта, как посчитали, обойдется в 30 тысяч долларов, и я чувствую, что затраты оправдаются. Мне это издание даст 10 процентов с оборота, но даже если бы за него ничего не причиталось — я бы все равно согласился на него, даже свои деньги приплатил бы. Сейчас, как я уже говорил, к производству готовится второй том, куда войдет "Страшный суд". Я считаю, что этот трехтомник — первый мой настоящий выход к отечественному читателю.

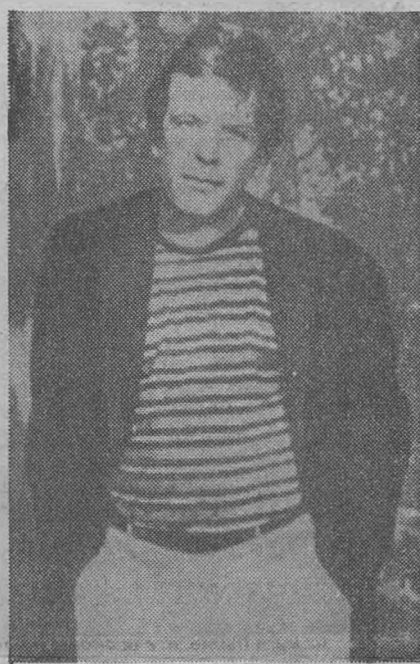
— Осуществление такого издания — лучшее свидетельство того, что книгопечатное дело в нашей стране вполне живо, вопреки всем прогнозам. Для нас же, помимо всего прочего, трехтомник обозначал конкретный жизненный и творческий этап.

— Да, конечно, и потому я хотел бы закончить эту беседу на достаточно оптимистической ноте. В голове у меня есть еще планы и книжки, бы, какой бы ни была сегодня Россия, как бы она себя ни измазала всякой политической грязью, писателям остается только одно — находить в себе силы писать, а когда вещь написана — всегда найдется возможность ее напечатать.

Беседу вел
Георгий ЕЛИН

Фото Мириам БЕРКЛЕЙ (США)

Виктор ЕРОФЕЕВ: Накануне "Страшного суда"

"Метрополь", за что (хорошо — не посадили) вы моментально вылетели из Союза писателей, и который едва вступила, а в итоге — "красный свет" во всех советских издательствах и лучшая "живая карточка" для издателей западных. Логично предположить, что вас должен был пригнать "Ардис", взявший под крыло "Метрополь" и многих метропольцев, однако ваши дальнейшие отношения с этим американским издательством, специализировавшимся на выпуске русской литературы, почему-то не сложились.

— Если бы я отдал "Русскую красавицу" в "Ардис", моя дальнейшая жизнь наверняка сложилась бы иначе, и теперь я благодарен судьбе, что все произошло так, как произошло. Я действительно предложил рукопись Элене Проффер в 88-м году, но она мне сказала: "Знаешь, эта книжка нехорошая, мы не будем ее печатать". И единственное, что посоветовала, — переписать "Русскую красавицу" от мужского лица. Она меня отвергла при самых лучших со мной отношениях, и после этого я нашел действительно с о е г о издателя, который оказался гораздо перспективнее "Ардиса" для выхода на мировой книжный рынок.

— Понадобились ли для этого посредники или вы сами нашли с этим издательством общий язык?

— Я сам обратился в парижское издательство "Албен Мишель", переправив им рукопись с оказией, но сначала наши отношения не сложились и уж тем более не обещали никаких перспектив. Рецензент Иван Набоков, племянник писателя, прочитал рукопись и сразу мне отказал: роман плохой, не годится. И вот тут начинается везение — рецензент ушел из издательства, и на его место пришла молодая американка, очень энергичная, которая тут же купила эту книжку. И не только купила, но и сразу отвезла рукопись на Франкфуртскую ярмарку, где со своей напарницей, французской, также представляющей "Албен Мишель", они развернули такую рекламную кампанию, что в итоге 12 крупнейших зарубежных издательств приобрели "Русскую красавицу" за очень большие деньги. С того времени и по сей день эти издательницы — мои постоянные партнеры; в "Албен Мишель" они представляют два отдела — тот, который покупает рукописи у авторов, и тот, который продает права на их издание в других странах. Я продал им все мировые права на "Русскую красавицу", продал пожизненно и за небольшие, в общем-то, деньги, но это оправдалось с лихвой.

— Судя по успеху этой книги, издатель максимально использовал все ее возможно-